

«ДРЕВНОСТИ АНТОВ»

ANTIQUITIES OF THE ANTES

О происхождении термина «анты»
О славянском панцирном войске VI—VII вв.
Трёхлучевые фибулы с насой зверя в исторической Пруссии
О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона
Зооморфные и зоо-антропоморфные фибулы в днепроовских кладках
Новые исследования раннеславянского поселения Обухов-2
«Репрессированный» клад у с. Фотовки
Древнейшая заселенная территория Трансильвании
«Поганые полководцы» русских летописей
Киевские погребения X века
Скандинавская находка на Галиции
Захоронение тюркского коневладельца в Добрудже
«Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси

ОГЛАВЛЕНИЕ

AD MEMORIAM

Л. В. Вакуленко, Н. С. Абашина (Киев, Украина). Памяти ученого 17

«..ПРОИСХОДЯТ ОТ ОДНОГО КОРНЯ...»

О. Б. Бубенок, В. В. Приймаченко (Киев, Украина). Ранние известия об антах в «Гетике» Иордана (к вопросу о происхождении термина *анты*) 25

А. П. Моця (Киев, Украина). Анты за Дунаем 37

М. М. Казанский (Париж, Франция). О славянском панцирном войске (VI—VII вв.) 43

А. М. Обломский (Москва, Россия). О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона 51

О. В. Петраускас, Р. Г. Шишкин, Н. С. Абашина (Киев, Украина). Новые исследования раннеславянского поселения Обухов-2 в 2007 г. 61

Р. А. Рабинович (Кишинёв, Молдова). «Поганые толковины». О происхождении тиверцев 89

ТЕХНОЛОГИИ ПРОШЛОГО

В. И. Кулаков (Москва, Россия). Серии трёхлучевых фибул с маской зверя на ножке в исторической Пруссии 109

И. О. Гавритухин (Москва, Россия), А. В. Пьянков (Краснодар, Россия). Византийская фибула с Новосёловского городища (Краснодарский край) . . . 123

А. В. Скиба (Киев, Украина). Зооморфные и зоо-антропоморфные фибулы в днепровских кладах. 133

А. В. Комар, М. А. Стрельник (Киев, Украина). «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж 143

С. С. Рябцева (Санкт-Петербург, Россия—Кишинёв, Молдова). Лучевые кольца и византийская традиция 165

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- М. Парчевский (*Жешув, Польша*). Скандинавская находка из княжеского города Галича 175
- А. В. Курбатов (*Санкт-Петербург, Россия*). «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей 183
- А. В. Красножон (*Одесса, Украина*). Крепостной ансамбль Хаджибея: время основания и строительная периодизация 201

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- Э. Галл (*Бухарест, Румыния*), С. Галл (*Тыргу-Муреш, Румыния*), М. Времир, Б. Гергей (*Клуж-Напока, Румыния*). Погребение №10 из могильника Клуж — Заполья и динамика завоевания венграми Трансильвании . . . 223
- В. Г. Ивакин (*Киев, Украина*). Киевские погребения X века 243
- Б. Ш. Шмониевский (*Краков, Польша*), В. Вонна (*Констанца, Румыния*). Погребение тюркского кочевника, открытое в пещере Баба в средней Добрудже в Румынии. 287

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

- С. А. Горбаненко (*Киев, Украина*). Методы интерпретации сельскохозяйственных материалов 299
- В. В. Колода (*Харьков, Украина*), С. А. Горбаненко (*Киев, Украина*). Сравнительный анализ материалов сельского хозяйства у носителей салтовской культуры и славян Днепровского Левобережья 315

«СВОБОДНАЯ ЗОНА»

- С. Е. Эрлих (*Санкт-Петербург, Россия*). Траектория футуристории. От культуры жертвоприношения к культуре самопожертвования 329
- Список сокращений. 345
- References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 347
- Требования к материалам, предоставляемым в редакцию журнала «Stratum plus» 365
- Requirements to contributions to *Stratum plus*. 369

Э. Галл, С. Галл, М. Времир, Б. Гергей

Погребение №10 из могильника Клуж — Заполья¹ и динамика завоевания венграми Трансильвании

Keywords: burials, funeral finds, anthropological research, zooarchaeological research, the 10th century.

Cuvinte cheie: morminte, inventar funerar, analiză antropologică, analiză zooarheologică, secolul X.

Ключевые слова: погребения, погребальный инвентарь, антропологические исследования, зоо-археологические исследования, X век.

E. Gáll, Sz. Gáll, M. Vremir, B. Gergely

Grave 10 from the Cluj — Zăpolya Cemetery and the Dynamics of the Hungarian Conquest of Transylvania

The first archaeological findings of 10th — 11th centuries in Cluj were uncovered in 1911, on no. 78 in Zăpolya street (now Gen. Traian Moşoiu street) (graves 1—8) and followed by other 3 graves uncovered in 1942 (graves 9—11). Our study aims to present the finds from grave 10 and analyzes it anthropologically and palaeozoologically.

E. Gáll, Sz. Gáll, M. Vremir, B. Gergely

Mormântul 10 din necropola de la Cluj — strada Zăpolya și dinamica cuceririi Transilvaniei de către maghiari

Primele descoperiri arheologice datând din secolele X—XI la Cluj au ieșit la lumină în anul 1911, pe proprietatea nr. 78 din strada Zăpolya (actual General Traian Moşoiu), urmând ca mai apoi în 1942, să fie cercetate alte 3 morminte (M. 9—11). Studiul nostru urmărește să prezinte descoperirile din mormântul 10 și să analizeze scheletul uman din punct de vedere al antropologiei fizice, respectiv resturile din scheletul de cal din punct de vedere al arheozoologiei.

Э. Галл, С. Галл, М. Времир, Б. Гергей

Погребение №10 из могильника Клуж — Заполья и динамика завоевания венграми Трансильвании

Первые в Клузе археологические находки, датируемые X—XI вв., были сделаны в 1911 г. в районе № 78 по улице Заполья (совр. название Ген. Траяна Мошою) (погребения 1—8) и продолжены в 1942 г. (погребения 9—11). Данная статья посвящена находкам, антропологическому и археозоологическому исследованию материалов из погребения № 10.

I. Археологический анализ

A. Введение

В Клузе первые археологические находки, датирующиеся X—XI вв., были сделаны в 1911 г., в ходе добычи камня в южной части

участка № 78 по улице Заполья². Первые два захоронения выявлены Балажем Летаи; другие пять погребений позднее были обнаружены Иштваном Ковачем. Этому же знамени-

¹ Краткое описание погребения было опубликовано в 1945 г. Дьюлой Ласло. Именно поэтому мы хотим опубликовать инвентарь полностью, вместе с результатами антропологических и палеозоологических анализов, в память об этом трансильванском археологе.

² Мы используем здесь название улицы, измененное в 1892 г. распоряжением совета мэрии города Клуж, поскольку могильник был введен в научный оборот именно под этим названием. Улица Заполья являлась продолжением улицы Фаркаш, известной сегодня как ул. Михая Когзличану. Первоначально, наименование улицы состояло из двух частей: Фаркаш Интериор (ул. Михая Когзличану) и Фаркаш Экстериор (сегодня ул. ген. Траян Мошою/ул. Заполья), разделенных средневековой стеной. Название ул. Заполья изменя-

му нумизмату и археологу из Клужа удалось, на основе фрагментарных находок, выявить восьмое захоронение, разрушенное рабочими в процессе добычи камня. В 1941—1942 гг. Дьюла Ласло обнаружил еще три погребения, что довело общее известное количество захоронений могильника до 11-ти (László 1942: 578—584; 1943; 1945: 1—15). Из этих комплексов, учитывая погребение, выявленное на основе фрагментарных находок, мы можем выделить семь, в которых присутствовали также и останки коня (1, 4, 6, 8, 9, 10 и 11). В остальных четырех захоронениях: в двух комплексах были погребены женщины (5, 7), в одном находился скелет мужчины с минимальным инвентарем (2), и в одном погребение ребенка (3).

Могильник ул. Заполья располагается на восточной стороне террасы р. Сомеша, известной под названием «Кёвешпад» (рис. 1). На первой карте времён Иосифа II (1780—1790) видна низина, которая разделяет террасу на две части. В этой низине в настоящее время находится улица Пьетрос, пересекаемая с востока ул. Семеникулуй, которая располагается на краю, выше террасы. На карте с изолиниями очень хорошо видно, что рассматриваемый некрополь располагается на левой стороне низины, которая маркирует дорогу того же времени — X в. Это предположение подтверждается и ситуацией на северо-западной части террасы, где улица Георгень повторяет путь римской дороги между Напокой и Потаиссой.

Погребение № 10 было выявлено и документировано Дьюлой Ласло 20 сентября 1942 во время мероприятия, в ходе которого скелет был положен *in situ* в гроб и торжественно отнесен в музей (Balassa 2001: 98). После 60 лет «заточения», скелет был извлечен из гроба и подвергнут антропологическому (Силард Галл) и, соответственно, костному (Силард Галл), соответственно, костному (Матия Времир) анализу³. В прошлом году группа археологов и антропологов из Будапешта, под руководством Балаж Менде, взяла образцы из человеческого скелета и большеберцовой кости коня для археогенетических анализов. Образцы исследовались

в Археогенетической лаборатории Института Археологии в Будапеште.

Б. Описание погребения 10⁴

Глубина: 125 см. **Ориентировано:** З-В. **Форма ямы:** пятиугольная. Скелет мужчины 42 лет, в плохой сохранности. Сохранились лишь череп, первая часть позвонка, плечо и предплечье, правая бедренная кость и фрагменты левой, большие берцовые кости и ступни ног. Скелет был выпянут на спине, правая рука была согнута под углом в 40°, левая рука не сохранилась. На левой стороне нижней челюсти, в ее верхней части, было обнаружено пятно зеленого цвета (см. ниже результаты антропологического анализа).

Погребальный обряд: череп коня был обнаружен на слое земли и находился на 24 см выше левой части головы человека; передние большеберцовые кости коня лежали на отдельном слое на 5—12 см выше, влево от тела человека; задние большеберцовые кости коня находились на 18—24 см выше, по левую сторону ступней ног покойного. Достаточно очевидно, что первоначально в погребальную яму был положен покойник, после чего по левую его сторону были положены части принесенного в жертву коня (см. ниже результаты палеозоологического анализа), а также бедренная кость овцы у правой большой берцовой кости скелета.

Инвентарь:

1—3. **Круглые серебряные бляшки.** Одна возле черепа, одна на позвонках и одна возле правой большой берцовой кости, у бедра овцы. Дм: 1,7—1,6 см; В: 0,4—0,8—1,1 г (рис. 2: 1—3).

4. **Железная пряжка** на правом колене. Дл: 6 см, В: 14,2 г (рис. 2: 4).

5. **10 наконечников стрел⁵** справа от скелета в деревянном колчане, с металлическими креплениями:

5.1. **Железный наконечник стрелы, ромбовидной формы, с выпуклой режущей частью (3b).** Дл: 10,5 см (с шипом); Дл: 7,2 см (без шипа); шр: 2,6 см; В: 15,8 г (рис. 2: 8);

5.2. **Железный наконечник стрелы, простой ромбовидной формы (3a).** Дл: 7,1 см

лось на протяжении времени: Фаркаш Экстериор, Заполья, Достоевского, ген. Миля, ген. Траян Мошою. Лит.: Гергей 2004: 34—69, 286—292; Jakab 1870: 217; Roska 1927; Kovács 1942: 85—117.

³ Инвентарь из погребения находится в Национальном музее Трансильвании, без инвентарного номера.

⁴ Сокращения: НМИТ — Национальный Музей истории Трансильвании; П — погребение; Дм. — диаметр; Дл. — длина; Дл. пр. — длина прута; Дл. р. — длина рукоятки; В — вес; шр. — ширина; вс. — высота; Тл. кл. — толщина кольца; шр. пр. — ширина прута.

⁵ См. сноски 16—18.

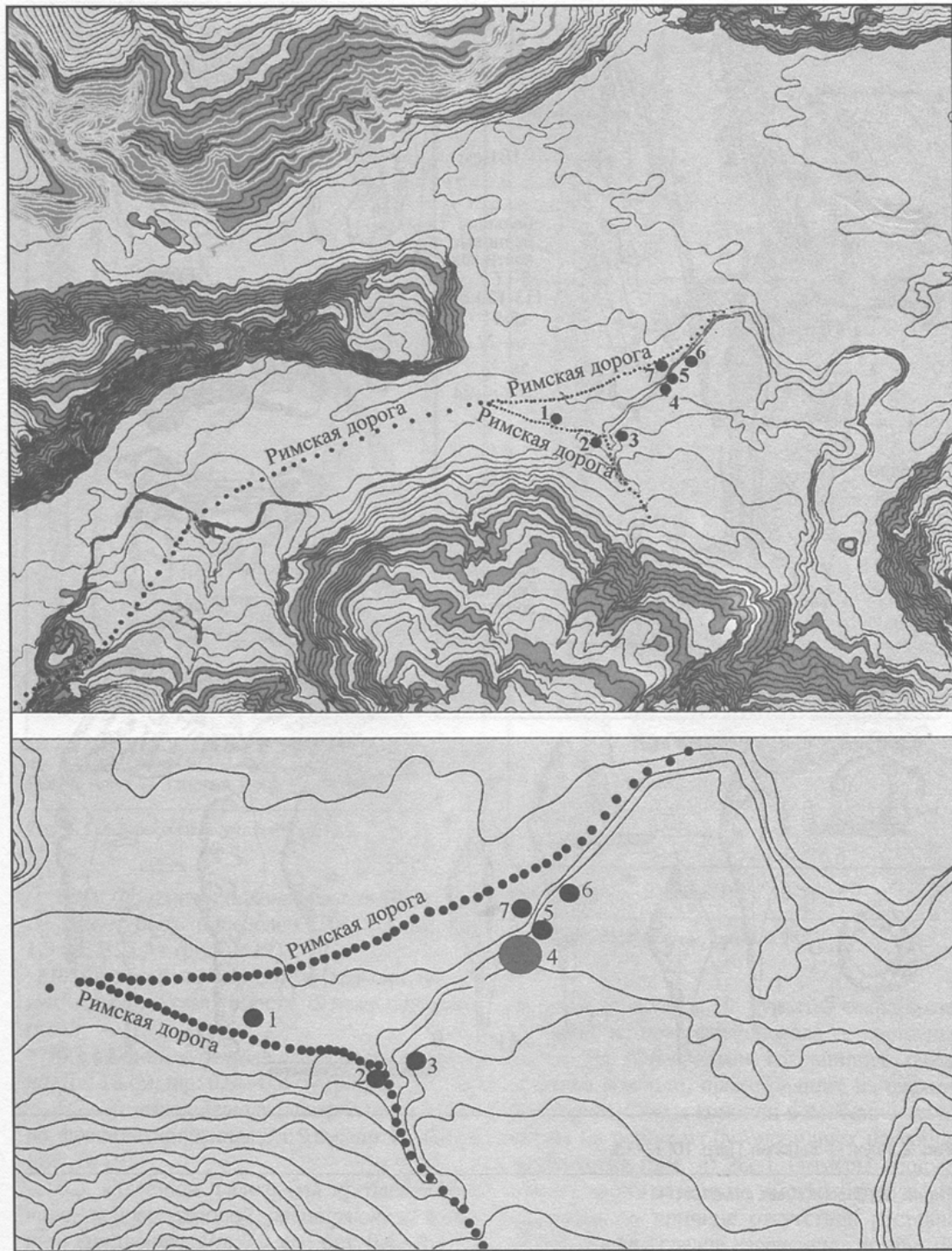

Рис. 1. Топография находок X века в районе Клужа. 1 — ул. Фаркаш; 2 — ул. Хелтай; 3 — ул. Плугарилор; 4 — ул. Заполья; 5 — ул. Калевала, памятник I; 6 — ул. Калевала, памятник II; 7 — ул. Флутурилор.

Fig. 1. Topographical position of the 10th centuries archaeological discoveries from Cluj-Napoca. 1 — Farkas Street; 2 — Heltaí Street; 3 — Plugarilor Street; 4 — Zápolya Street; 5 — Kalevala Street, site I; 6 — Kalevala Street, site II; 7 — Fluturilor Street.

(с шипом); Дл: 5,5 см (без шипа); шр: 2,4 см; В: 8,8 г (рис. 2: 9).

5.3. Железный наконечник стрелы, ромбовидной формы, с выпуклой режущей частью

(3b). Дл: 10,3 см (с шипом); Дл: 6,9 см (без шипа); шр: 2,4 см; В: 16,7 г (рис. 2: 10).

5.4. Железный наконечник стрелы, простой ромбовидной формы, с вертикальной

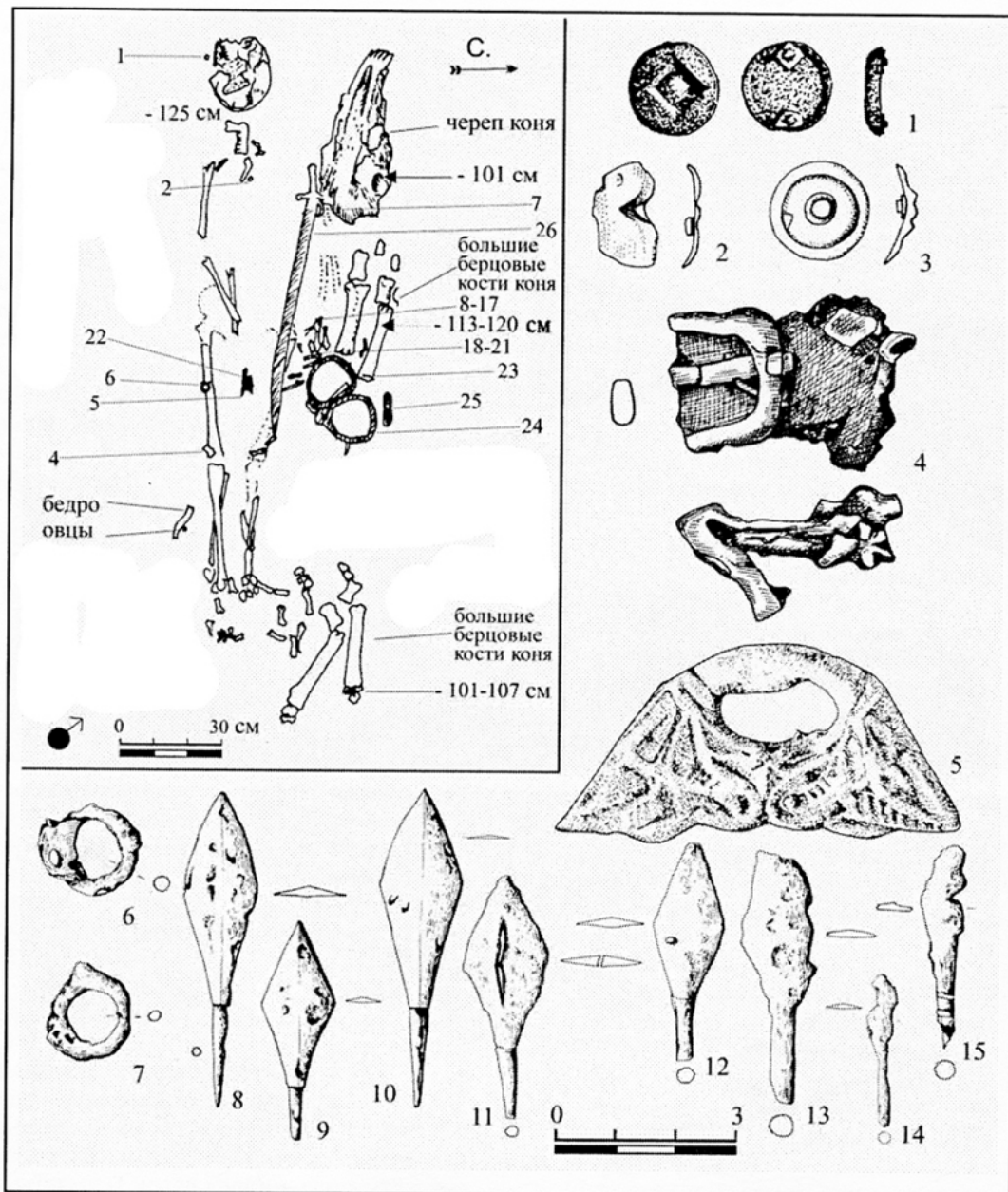

Рис. 2. Клуж — Заполья. Погр. 10: 1—15.

Fig. 2. Cluj-Zăpolya street, grave 10: 1—15.

прорезью (3а1). Дл: 8 см (с шипом); Дл: 5,4 см (без шипа); шр: 2,8 см; 4; Дл. прорези: 1,5 см; В: 14,2 г (рис. 2: 11).

5.5. Железный наконечник стрелы, простой ромбовидной формы (3а). Дл: 7,1 см (с шипом); Дл: 5,3 см (без шипа); шр: 2,8 см; В: 12,7 г (рис. 2: 12).

5.6. Железный наконечник стрелы, дельтовидной формы с длинной режущей частью (2а). Дл: 8,2 см (с шипом); Дл: 5,5 см (без шипа); шр: 2,5 см; В: 13 г (рис. 2: 13).

5.7. Железный наконечник стрелы листовидной формы (4). Дл: 9,9 см (с шипом); Дл: 6,5 см (без шипа); шр: 1,9 см; В: 11,2 г (рис. 2: 14).

5.8. Железный наконечник стрелы простой ромбовидной формы (3а). Дл: 6,6 см (с шипом); Дл: 4,3 см (без шипа); шр: 1,6 см; В: 4,5 г (рис. 2: 15).

5.9. Фрагмент наконечника стрелы. Тип не может быть определен. Дл: 3,5 см и 4,4 см; 2. шр: 1,7 и 1,3 см; В: 4,5 г (рис. 3: 16).

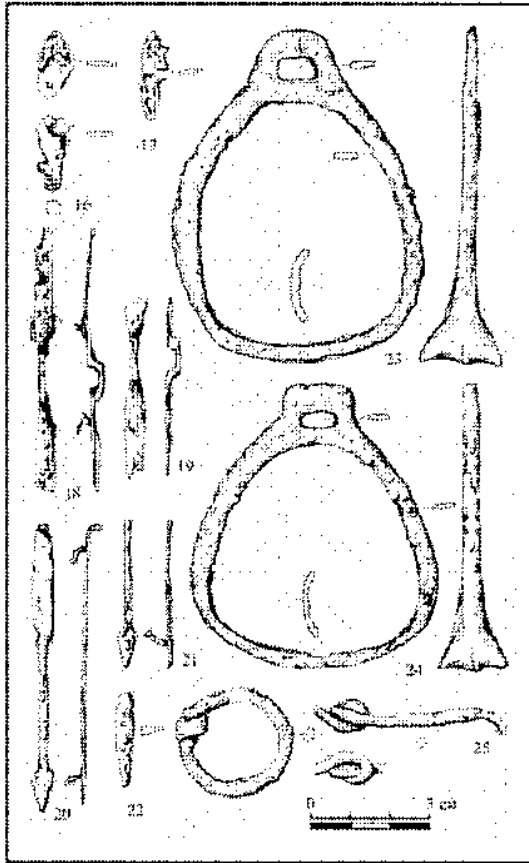

Рис. 3. Клуж — Заполья. Погр. 10: 16—25.

Fig. 3. Cluj-Zápolya street, grave 10: 16—25.

5.10. Фрагмент наконечника стрелы. Тип не может быть определен. Дл: 3,3 см; шр: 1,9 см; В: 3,4 г (рис. 3: 17).

6. Фрагменты железного колчана по левую сторону таза, вместе с наконечниками стрел.

6.1. Железная деталь для крепления колчана. Дл: 13 см; шр: 0,9—0,4 см (рис. 3: 18).

6.2. Железная деталь для крепления колчана, фрагментированная. Дл: 9 см; шр: 1—0,4 см (рис. 3: 19).

6.3. Железная планка для крепления колчана, концы которой расширяются, а затем сужаются. Дл: 7,2 см; шр: 0,4—1,1 см (рис. 3: 20).

6.4. Железная планка для крепления колчана, концы которой расширяются, а затем сужаются. Дл: 14,1 см; шр: 1,1—0,4—1,1 см (рис. 3: 21).

Деталь для подвешивания колчана к луку, серебро, располагалась между двумя бедренными костями. Пропала, сохранилась лишь фотография. Шр: 6,6 см; вс: 3,1 см (рис. 2: 5).

7.1. Сабля с рукояткой и изогнутым лезвием, лежала вдоль левой стороны скелета

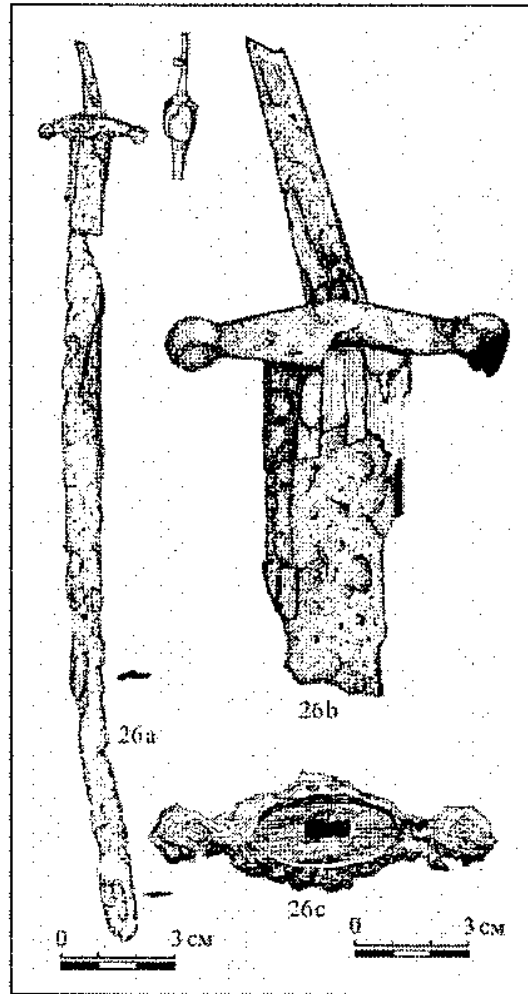

Рис. 4. Клуж — Заполья. Погр. 10: 26.

Fig. 4. Cluj-Zápolya street, grave 10: 26.

от плеча до колена. На рукоятке сохранилась заклепка, которая фиксировала ее составные части. На перекрестии сохранились следы остатков конопли, происходящих из одеяния покойного. Следы конопли в особенности заметны на одном из бутоновидных наверший перекрестия (рис. 4: 26с.). Размеры обоюдоострой части лезвия не смогли быть зафиксированы по причине отсутствия реставрации и наличия следов деревянных ножен. Дл: 77,5 см; Дл.р.: 8,9 см; шр.р.: 1—1,5 см; шр. перекрестия: 0,9—1,5 см; дм. бутоновидных наверший перекрестия: 1,5 см; шр. лезвия: 3,6 (под перекрестием) — 3,1 см; В: 460 г (рис. 4: 26. а-с).

7.2. Железное кольцо, используемое для крепления ножен сабли (?) на правом бедре. Дм: 2,9 см; Дм. кольца в сечении: 0,7—0,4 см; В: 4,8 г (рис. 2: 6).

7.3. Железное кольцо для подвешивания сабли, находилось возле перекрестия сабли.

Дм: 2,8 см; Дм. кольца в сечении: 0,5 см; В: 3,9 г (рис. 2: 7).

8. *Фрагментированные удила, состоящие из стержня и кольца* возле стремя, по левую сторону, в вертикальном положении у стенки ямы. Дл. стержня: 8,5 см; Дм. кольца: 8,5 см; В: 20,8—23,8 г (рис. 2: 25).

9.1. *Грушевидное стремя, ассиметричное*, из железа, находилось чуть ниже задних большеберцовых костей коня, ушко находилось на высоте 8—10 см от дна ямы, а основание — на высоте в 3—4 см. Дл: 16,3 см; шр: 12,3 см; шр. стержня: 1,1—1,2 см; дм. ушка: 4,5—3,5×2,8 см; Дм. отверстия ушка: 1,9×1 см; 7. шр. основания: 3,6 см; В: 157,5 г (рис. 3: 23).

9.2. *Грушевидное стремя (IV3), ассиметричное*, находилось непосредственно ниже первого стремя, ушко находилось на высоте 8—10 см от дна ямы, а основание — на высоте в 3—4 см. Дл: 13 см; шр: 12,1 см; шр. основания: 3 см; В: 100,1 г (рис. 3: 24).

10. *Фрагмент ножа*. Дл: 4,6 см; шр: 0,9 см (рис. 3: 22).

В. Обряды и ритуалы, зафиксированные в погребении

Процесс захоронения. В ходе совершения захоронения покойник был тщательно завернут в ткань и положен на землю. После этого на него были положены предметы инвентаря, а именно оружие, нож. Затем вдоль левой стороны покойника были положены останки коня, в анатомическом порядке. Подобная реконструкция погребального процесса подтверждается и положением сабли, рукоятка которой частично находилась под черепом лошади. Вероятно, вместе с лошастью было депоцировано и седло, поскольку в 8—10 см были обнаружены стремяна и, соответственно, удила, положенные вертикально у стенки ямы.

Ритуальные аспекты. Скелет был ориентирован по линии З-В⁶. К сожалению, нам не удалось найти общий план части могильника, располагающейся по улице Заполья (включающей погребения 9—11), хотя Дьюла Ласло упоминает в своей работе 1942 г. (László 1942: 579) о существовании плана некрополя, актуализированного в соответствии с результатами раскопок лета того же года⁷. В этой же

статье упоминается о различиях между ориентированием погребений, обнаруженных в 1911 и 1942 гг.

Погребальная яма была выкопана в глинистой почве террасы, на глубину в 110 см. В работе, вышедшей в 2005 г., мы рассмотрели глубину погребений X—XI вв. и после статистического анализа пришли к выводу, что глубина захоронений X—XI вв. варьирует от 50 до 130 см, а большинство погребений имеет глубину в 60—100 см (Gáll 2004—2005: 339—342). Эти данные четко контрастируют с глубиной ям аварского периода или с могильниками болгарского каганата в Трансильвании и на Нижнем Дунае, глубина которых составляет 150—300 см.

Что касается вытянутого на спине скелета, то не были замечены никакие другие признаки ритуала во время захоронения.

Инвентарь

Самым дискуссионным видом погребального ритуала X в. в Карпатском бассейне остается *ритуал погребения с конскими останками*. Это также относится к погребальным комплексам, обнаруженным в районе Клужа. По типологии этих захоронений из Карпатского бассейна, представленной четыре десятилетия назад Чанадом Балинтом (Bálint 1969: 107—114), погребения с конскими останками, аналогичные погр. 10, относятся к III группе. Отметим, что данное захоронение является единственным подобным комплексом, обнаруженным в Трансильванском бассейне⁸.

Чанад Балинт собрал 32 комплекса, принадлежащих этой группе, интерпретируя их в качестве захоронений *тюркского населения*⁹. По количеству подобных комплексов значительно уступают погребениям групп I (101 комплекс) и II (136 комплексов), но превышают количество захоронений, известных для групп IV (19 комплексов) и V (которая, на самом деле, является вариантом груп-

⁶ III группа включает комплексы с останками коня (набитого соломой, согласно этнографическим параллелям), в которых большеберцовые кости и голова животного разложены по всей длине ямы, в стремлении передать анатомический облик лошади (Bálint 1969: 110). В Трансильванском бассейне погр. 10 из Клужа является единственным подобным комплексом, известным на сегодняшний день (Gáll 2004—2005: 385—386; Gáll 2008: 99).

⁹ Эта интерпретация была подвергнута критике со стороны Иштвана Фодор. Согласно Фодору, эти две группы имеют общие корни и появляются задолго до X в. Группа II известна уже в XIV столетии до Р.Х., например, в Синташте. Лит: Fodor 1977: 104, сноска 53.

⁶ О данных ориентирования см.: Gáll 2004—2005: 342—348.

⁷ Общий план раскопок 1911 года на погребениях 1—7 приведен в: Kovács 1942: fig. 1.

ы II) (8 комплексов). Группы I и II были проинтерпретированы Ч. Балинтом как отражение присутствия «венгерских завоевателей» (*honfoglaló magyarság, hungarian conquerors*)¹⁰ X в., а погребения групп III—V — как принадлежащие населению *тюркского* происхождения.

Аргументом против правомерности этнокультурной интерпретации являются именно те некрополи, из которых происходят несколько типов захоронений с конскими останками. Конкретным примером является могильник II в Кароше, где из 73 погребений 37 представляли собой различные виды захоронений с останками коня или деталями

конского снаряжения (Révész 1996: 41—43), но лишь в погр. 15 был зарегистрирован III вариант депонирования останков коня, в женском погребении возраста *infans* II (Révész 1996: 19, pl. 27). Можно ли считать, что *infans* II женского пола являлся *тюркским* элементом, а остальные скелеты были *венгерского* происхождения? Следует, однако, обратить внимание, что сам венгерский исследователь подчеркнул относительность своих интерпретаций (Bálint 1969: 111, nota 18).

Подобные наблюдения могут быть проделаны и в могильнике из Клужа. Из 11-ти раскопанных захоронений в шести присутствовали конские останки (погр. 1, 4, 6, 8, 9, 10 и 11), однако лишь захоронения 1, 6, 9 и 10 смогли быть отнесены к определенной группе. Таким образом, погребения 1 и 6 относятся к группе II, погребение 10 — к группе III, а погребение 9 — к группе IV.

Возникает вопрос: почему эти четыре случая подразделяются на три группы? Отражает ли это *гетерогенное* происхождение общины? Отметим, что почти во всех случаях речь идет о мужских захоронениях, в инвентаре которых присутствовала *сабля*.

Другая проблема состоит в том, что ни другие особенности ритуала, отмеченные в захоронениях, ни археологический инвентарь не указывают на различное происхождение погребенных индивидов. К этому можно прибавить, что погребения группы III распределяются равномерно по всему Карпатскому бассейну; лишь в Верхнем Потисье наблюдается их определенная концентрация, но там в целом присутствует большое количество погребений, в которых были депонированы конские останки.

Этот феномен заслуживает дополнительного рассмотрения, поскольку в «печенежской» зоне обитания, соответственно в восточной Мунтении, южной Молдове (включая Бессарабию и Буджак), южной Украине (Ioniță 2005: fig. 18: 14, 19: 3, 20: 1, 8; Spinei 1985; Плетнева 2003: рис. 13—20) известно весьма большое количество захоронений с конскими останками, которые могут быть отнесены к группе III и которые связывались с «печенегами»¹¹.

¹⁰ Археологический инвентарь «венгерских завоевателей» (*hungarian conquerors, honfoglaló magyarság*) не может рассматриваться как отражение этнической специфики. Скорее, речь идет о макрорегиональной культуре, которая характеризовала Карпатский бассейн и не принадлежала населению с гомогенной этнической идентичностью. Даже весьма субъективные письменные источники указывают на использование двух языков, упоминая также быструю ассимиляцию славянского населения. Связи между этничностью и материальной культурой являются нестабильными и меняющимися (так, в захоронениях мы не можем четко проследить ту или иную этническую принадлежность индивида), и через археологический инвентарь просматриваются не различные (этнические) идентичности, а скорее различные археологические отличительные признаки культурного порядка, традиции, отношения, сочетания, которые обычно могут не напрямую связываться с различными идентичностями. Следует уточнить и то, что индивид может обладать очень многими идентичностями, так что мы абсолютно субъективно подбираем определения наподобие «авара», «венгерского завоевателя», потому что в каждое время более релевантными могли являться другие идентичности, чем та, которая определяет современную эпоху, начиная с XVIII—XIX вв. На самом деле здесь мы сталкиваемся с археологией национальных государств, которая экспроприировала, монополизировала идентичности давно канувших в лету народов. Следуя этой точке зрения, археология эпохи «завоевания» (*honfoglalás korszak kutatása*) не говорит про венгров, а про «эпоху завоевания родины» (*honfoglalás kora*). Считаю должным уточнить: в период раннего средневековья в Карпатском бассейне ни одна народность (чье наименование известно нам по письменным источникам) не может быть отождествлена с определенным антропологическим типом (или типами), соответственно, ни один антропологический тип не может отождествляться с народностью. Подобные умозаключения являются не чем иным, как антропологическим и археологическим расизмом, присущим нашей эпохе, от которого нам следовало бы избавиться. Из обильной, огромной литературы по данной проблеме, упомянем лишь несколько наименований, непосредственно связанных с интересующими нас территорией и эпохой (Brather 2004; Bálint 2006: 277—347. Про археологические культуры Трансильванского бассейна X в. см: Gáll 2004—2005: 392—393; Gáll 2008, I: 116—117, 401—407).

¹¹ В будущем следовало бы собрать каталог и осуществить систематизацию погребений с конскими останками из этого региона, как с хронологической (вертикальной), так и с хорологической (горизонтальной) точек зрения. Только после проведения подобного статистического анализа были бы оправданы дискуссии по поводу этнокультурных характеристик различных ритуальных аспектов. Сериация всех открытий,

Другим аспектом погребального ритуала является депонирование в могиле (вероятно на деревянном подносе) *бедра овцы* возле правой большой берцовой кости скелета (рис. 2 и 5: D.). Эта деталь соответствует особенностям погребального обряда эпохи: куски мяса появляются в захоронениях мужчин с оружием в качестве инвентаря (Gáll 2004—2005: 394—397; Gáll 2008, I: 111—113). В погребениях X—XI вв. чаще всего встречаются *кости мелкого рогатого скота*, но известны и комплексы с *костями птиц* (примеры: Клуж — ул. Заполья, погр. 4, Рожасентмартон, погр. 4) (Révész 2008: 437), *костями свиньи* (примеры: Альдебрё, погр. 9 и 10, Клуж — ул. Заполья, погр. 3, Дунауйварош-Эрегхедь, Тисанана, погр. 19 и 29) (B. Horváth 1979: 245—296; Bálint 1991: 81, Pl. XXV: 4; Révész 2008: 437). Эти данные очень четко показывают, что невозможно говорить о *сугубо кочевом* характере населения Карпатского бассейна X века¹².

Г. Анализ инвентаря и датировка погребения

Инвентарь, относящийся к костюму, представлен тремя серебряными *бляшками*. Их расположение (область черепа, область позвоночника и область большой берцовой кости) говорит о том, что они могли служить украшением длинного одеяния (кафтана?) в его верхней и нижней части¹³. Хронологическое использование подобных украшений может быть прослежено на протяжении двух столетий (К. К. 1996: 55).

связанных с ритуалом депонирования коня в Карпатском бассейне в X—XI вв., должна стать приоритетной задачей исследования. Отсутствие таковой определяет сложность осуществления относительной хронологии захоронений с останками коня, соответственно и проведения их детального анализа. Очевидно, не стоит забывать и о трудностях подобного анализа; здесь, прежде всего, следует упомянуть неполную степень раскопок (очень многие из этих захоронений происходят из частично исследованных некрополей — см. ситуацию могильника из Клужа) и их публикации (очень многие из этих комплексов не опубликованы). Количество захоронений с конскими останками было оценено Ч. Балинт в 1969 г. в 500—600, сегодня же эта цифра приближается к 1000. К сожалению, это лишь оценки, четких и точных данных в нашем распоряжении нет (Bálint 1969: 111; Langó 2007: 51).

¹² Критики теории номадизма отметили и географические особенности бассейна, которые не позволяли ведение чисто кочевого образа жизни. Об этой дискуссии см.: Takács 1997: 168—214.

¹³ О реконструкции костюма, с дальнейшей литературой: К. К. 1996: 52—56.

Пряжка прямоугольной формы, обнаруженная на правом колене, является весьма редким предметом в инвентаре захоронений X в. Два десятилетия назад, самому Шульце-Дёрламму удалось собрать данные всего о семи подобных пряжках, которые он отнес их к типу «Гестеред» (Schulze-Dörflamm 1988: 378). Сегодня к ним можно добавить пряжку из одиночного погребения в Жомбо-Баба дюлё (Lőrinczy-Szalontai 1993: 296—297, pl. XII: 19) и неопубликованную пряжку из погр. 10.

Весьма редким предметом и очень важным с точки зрения определения культурных взаимодействий и хронологии является *деталь для крепления колчана*, вероятно, к луку или, по другим точкам зрения, к сумке. Рассматриваемый предмет не был нами обнаружен в коллекции музея из Клуж-Напоки; судя по найденной фотографии, деталь была изготовлена литьем, обладала трапециевидной формой, с прорезным орнаментом в середине верхней части. Верхняя часть слегка округлена, а отверстие почти овальной формы. Декор предмета в виде стебельков нанесен инкрустацией и гравировкой. Аналогии этой детали для подвешивания колчана известны в нескольких комплексах в Карпатском бассейне¹⁴, однако близкие экземпляры в данной зоне отсутствуют, будучи известны лишь в отдаленных областях — Табаевка Чернигова (Орлов 1984: 6: 27), в Болгарии (точное место находки неизвестно — Йотов 2004: XXVI: 396), также и в Швеции, в Бирке — погр. 1125B (Lundström, Holmgvist Olausson 2006: 16, fig. 14, последний предмет). Таким образом, этот тип изделия может являться *свидетельством торговых отношений или следствием и свидетельством иммиграции к. IX — н. X вв. (?)*.

Можно поставить и другие вопросы в свете известных нам аналогий этому предмету: если подобные изделия отражают торговые отношения, то откуда они были импортированы? С Балканского полуострова или Востока? Или они изготавливались в Карпатском бассейне? На эти вопросы мы сейчас не в со-

¹⁴ Карош-Эперьешсёг — некрополь I, погребение 1; некрополь II, погребения 52, 60; некрополь III, погребение 11 (Révész 1996: 125, pl. 4: 28, 97: 6); Нешвадь, погребение 2 (Szöke 1941: 214—224). Неточные данные или разрушенные погребения: Шарошпатак-Бакшахомок (Révész 1996: 125); Шошхартъян-Мураньхедь (Fodor 1975: fig. 84.1); Шорокполань-Берекаля (Nemeskéri 1943: 316—319; Kiss G. 2000: 163, pl. 66. m. 115. 115/3); Сакалд-Мулатодомб (K. Végh 1970: 78—109, pl. X: 6); Тисалёк-Кишфаштанья (Kiss L. 1933—34: 215—220); Бездед-погребение 16 (Jósa 1896: 408—409); Надьмагоч-Магоч эр (Bálint 1991: 146—147, 242. No. 184).

стоянии дать четкий ответ, но все же укажем на данные Владимира Дучко относительно расширения восточной торговли в балтийскую зону в X в. (Duczko 2000: 14).

Если же принять, что данный предмет — отражение иммиграции (то есть принадлежал человеку, попавшему в Карпатский бассейн извне), то каким временем можно его датировать? Похожее изделие из Табаевки датируется перв. пол. X в. Возраст покойника из погр. 10 в Клуже оценивается в 35—40 лет, т.е. гипотетически это может указывать на его связь с «первым поколением» венгров-завоевателей.

Наконечники стрел являются самым многочисленным видом оружия из погребений X в. и были обнаружены практически во всех исследованных могильниках. Недавно была предпринята систематизация и проведен количественный анализ наконечников стрел для Трансильванского бассейна, Парциума и Баната (Gáll 2007: tab. V—VII; Gáll 2008, I: 269—282). В пределах захоронений наконечники стрел были депонированы как в колчанах, так и просто на дне погребальной ямы, без колчана¹⁵. Количество их разнится от погребения к погребению, было обнаружено от 1 до 13 стрел¹⁶. В захоронении из Клужа были обнаружены 10 наконечников стрел, которые, согласно современной типологии¹⁷, могут быть подразделены на четыре варианта, относящиеся к двум типам (табл. 1).

Наконечники стрел находились в *деревянном колчане* с железными элементами: помимо двух деталей для подвешивания (рис. 3: 18—19), были обнаружены две планки для крепления колчана¹⁸.

¹⁵ В некоторых случаях в погребении присутствовал лишь колчан без стрел: в Ракоцифальва, погр. IV (женское захоронение), Вэршанд, погр. 7. Из последних подобных открытий — Сольнок-Санда, погр. 10. В будущем, следовало бы собрать все эти комплексы и проанализировать их, прежде всего с точки зрения физической антропологии, в тесной взаимосвязи с антропологией культурной. Лит.: Popescu 1956: 128, fig. 81. 5—6, 82; Selmeczi 1979—1980: 141—172; Madaras 2006: 225, pl. 9: 8.

¹⁶ В регионах Трансильванского бассейна, Парциума и Баната отмечено присутствие от одного до десяти наконечников стрел в погребении. (Gáll 2007: tab. VI; Gáll 2008, I: graficul 44).

¹⁷ Первая типология наконечников стрел была представлена Кароём С. Шебештьен. Позже она была дополнена Ласло Ковач (Cs. Sebestyén 1932: fig. 13; Kovács 1980).

¹⁸ Свод и систематизация деталей колчана в Трансильванском бассейне, Банате и Парциуме, с соответствующей литературой (Gáll 2007: 395—480; Gáll 2008: 282—289, pl. de tip 24, harta 47).

Таблица 1.

Вариант, тип	Кол-во
простой дельтовидный с длинной режущей частью (2a)	1 экз.
простой ромбовидный (3a)	3 экз.
простой ромбовидной формы, с вертикальной прорезью (3a1)	1 экз.
простой ромбовидный (3b)	2 экз.

Одним из самых обсуждаемых в специализированной литературе видов оружия является *сабля* (Kovács 1980: 10—67), использование которой, прежде всего, относится к перв. пол. X в. (Kovács 1990: 39—50). В Трансильванском бассейне, тем не менее, присутствуют конкретные указания на ее использование и во второй половине X в. (Gáll 2007: 422—425; Gáll 2008: 294—296).

Сабля из погр. 10 по длине относится к относительно небольшим экземплярам (77,5 см) по сравнению с предметом из Бихаря (90 см) или саблей из Карош-некрополь II погр. 52 (96 см). С весом в 460 г, она также намного легче, чем сабля из погр. 6, вес которой 540 г.

К гарнитуре ножен сабли относится и железное кольцо, находящееся возле *перекрестия сабли*. Еще одно железное кольцо находилось на правой бедренной кости. Гипотетически оно может быть связано либо с недекорированным ремнем, либо с сумкой или колчаном.

Из орудий, часто депонируемых в захоронения с оружием, из погр. 10 происходит лишь фрагмент *ножа*¹⁹. Нож небольших размеров, прямой формы.

Среди характерных для погребений с конскими останками деталей следует упомянуть и депонирование седла, из которого сохранились *грушевидные стремяна*²⁰, и *удила*²¹. Эти предметы типичны для X века.

Д. Погребение 10, некрополь Клуж — Заполья, и понятие «первого поколения»

Проблемой, к которой следует обратиться, является статус погребенного, возрастом в 35—40 лет. Основываясь на представленном

¹⁹ Свод и типологический анализ см.: Gáll 2008: 310—314, pl. de tip. 30—32, Tab. B.14, harta 50.

²⁰ О подобных стремянах, распространенных по всей Евразии, см.: Schulze-Dörlamm 1988: 422—423. Их свод и типологический анализ в Трансильванском бассейне, Парциуме и Банате см.: Gáll 2008: 332—337, pl. de tip. 34—41, harta 57—62, tabel cronologic nr. 4.

²¹ Свод и типологический анализ см.: Gáll 2008, I: 325—331, III. pl. de tip 33, harta 55—56.

выше инвентаре, мы могли бы проинтерпретировать это захоронение как «воинское». Но не заходим ли мы слишком далеко с подобными умозаключениями? Присутствие сабли, наконечников стрел, останков коня являются знаками война или же признаками определенного социального статуса? А может, возраста покойника? Считаем важным напомнить, что, помимо сабли, погребальный инвентарь являлся весьма скромным. Исследование скелета не выявило наличия ран, за исключением перелома большой берцовой кости, а это может являться признаком того, что погребенный не участвовал часто в сражениях. В то же время сабля может выступать в качестве возрастного символа.

Важно и то, что средний возраст погребенного человека соответствует среднему возрасту коня, и это однозначно должно быть связано с определенными аспектами погребального ритуала.

Вместе с погр. 11 (ограбленным), погр. 10 является важным для датировки части могильника перв. пол. X в. и ее соотношения с «*первым поколением*» (első honfoglaló nemzedék). В большинстве случаев все эти древности интерпретировались в качестве свидетельства миграции венгров в Карпатский бассейн, соответственно в Трансильванию. До недавних пор к этому мнению склонялся и один из авторов этих строк (Gáll 2001: 1—14; Gáll 2002: 289—312).

Собственно, что означает «*первое поколение*»? На первый взгляд, ситуация ясна. Классическим ответом является, что к *первому поколению* принадлежали те члены общностей конца IX в., которые родились в зоне Ателькузы, упомянуты также византийским императором Константином VII Багрянородным²², но были погребены уже в районе Карпатского бассейна. Однако те переселенцы, которые заняли Карпатский бассейн, как и любая другая человеческая общность, различались по возрасту — от детей до пожилых. Таким образом, например, родившийся в Ателькузе ребенок мог умереть как около 900-го года, так и около 930 или даже 950 года (достигнув старческого возраста). А за это время его материальная культура могла подвергнуться радикальным изменениям; помимо старых предметов, он мог вступить во владение новыми, которые

были изготовлены в Карпатском бассейне, но, несмотря на все это, с *биологической точки зрения, он принадлежит поколению, пришедшему в Центральную Европу извне*. Отсюда вытекает еще одна проблема: какой динамикой обладала материальная культура, соответственно, период использования предметов, украшений, оружия, орудий и насколько протяженным мог быть этот период в эпоху раннего средневековья?²³ Учитывая эти замечания, мы считаем, что понятие «*первого поколения*» следует быть рассмотрено с двух точек зрения:

1. С точки зрения биологической.
2. С точки зрения динамики материальной культуры.

Чтобы более точно выразить свою мысль, предлагаем следующий пример: некоторые предметы, которые могли бы быть использованы людьми разных возрастов, пришедших в Карпатский бассейн, по разным причинам были депонированы в погребения намного позже. Следовательно, даже если предмет принадлежал первому культурному слою с точки зрения хронологии, *его владелец мог уже не представлять тех, которые непосредственно сменили свою родину, то есть с биологическим первым поколением*. В некоторых случаях, однако, мы можем заметить и *хронологическую стратификацию* различных артефактов, т.е. помимо возможных предметов, которые поступили в Карпатский бассейн не торговым путем, а вследствие движения населения, присутствуют и предметы, которые наверняка были изготовлены в Карпатском бассейне. В этих случаях мы можем говорить о *стратификации материальной культуры*. Подобным примером является погр. 11 из могильника Клуж — ул. Заполья.

Из этого захоронения происходят как *предметы, для которых аналогии в регионе Карпатского бассейна и в других регионах неизвестны* (кольцо для ремешка, подвешивающего стремя, прямоугольная бляшка), так и *предметы, аналогии которым известны лишь на Востоке* (четыре наконечника ремня и костяные предметы со специфическим орнаментом), или предмет с *аналогиями только в Карпатском бассейне* (стремя, орнаментированное серебряной накладкой).

На поверхности *кольца для ремешка, подвешивающего стремя*, присутствует орнамент

²² Возникает вопрос: между какими реками? Незаинтересованность венгерской археологии до сегодняшнего времени приводит к тому, что эта область остается неизвестной специалистам (см. Fodor 2006: 89—114).

²³ Использование различных категорий оружия, а также некоторых деталей конского снаряжения сопряжено с практическими аспектами, в то время как ношение украшений связано с модой, то есть сопряжено с социо-психологическими аспектами.

в виде спирали и ряда колосьев. Его овальная форма указывает скорее на расположение у отверстия ножен небольшого ножика. До сих пор нам не удалось найти точных аналогий, однако подобный орнамент часто появляется на других предметах.

Прямоугольная бляшка была изготовлена литьем из серебра, обратная сторона полностью позолочена. До сих пор нам неизвестны аналогии данному предмету в Карпатском бассейне или восточных областях. Эта бляшка носилась долгое время, поэтому сложно расшифровать присутствующий на ней декор; в середине можно заметить круглую фигуру с жемчужными мотивами. Данный предмет, без прямых аналогий, долго бывший в употреблении, может являться доказательством ранней миграции, с культурной (и необязательно биологической) точки зрения. Было бы любопытно подвергнуть подобному анализу и инвентарь других могильников Карпатского бассейна²⁴.

Четыре наконечника ремня и костяные предметы со специфическим орнаментом в виде зигзагообразных фигур или рядов утолщающихся на конце линий из погр. 11 находят свои аналогии лишь на Востоке. Орнамент костяных предметов, отмеченный и на удилах из Сегхалом и Шарретудвари, согласно Карою Мештерхази, подчеркивает существование культурных отношений с Самаррой (Ирак, севернее Багдада) (Mesterházy 1997: 7, pl. 1—2). Что касается наконечников ремня, точные аналогии были выявлены лишь в зоне Алтайских гор, в Верхнем Алее — курган 1, датированный VIII—IX вв. (Могильников 2001: рис. 7: II; 8: 9—11).

Другим типом бляшки, обнаруженным в погр. 11 в Клуж — ул. Заполья, является находившаяся на лопатке коня. Бляшка состоит из двух пластинок: передняя часть изготовлена литьем из серебра, затем позолочена, имеет форму листа или даже рыбы. Реверс вырезан из меди и крепится пятью гвоздиками к серебряной пластинке. Рельефная поверхность аверса сильно выпукла, внутри находился бубенчик, который обычно интерпретируется во взаимосвязи с некими духовными символами, но обладал, скорее всего, практическим назначением. Та часть изделия, к которой крепился бубенчик, была орнаментирована различными вертикальными палочками, которые покрывают предмет вплоть до нижней части

крепления. Подобный декор является весьма архаичным; аналогии ему обнаруживаются и в аварском периоде. Поверхность изделия орнаментирована позолоченными углубленными линиями в виде стебельков, которые в нижней части собираются в пальметту с тремя листиками.

Этот предмет происходит из восточных регионов, из района Минусинской котловины, а в качестве аналогий могут быть приведены изделия из Киева — могильник у Десятинной церкви, Табаевки, Чернигова и Гаевки (Каргер 1958: 14; Орлов 1984: рис. 2—3). Подобные предметы появляются, в меньшем количестве, и в ареале салтово-маяцкой культуры (Плетнева 1981: рис. 36: 16), равно как и в Болгарии, например, в некрополе из Плиски, датированном X—XI вв.²⁵ Накладки с бубенчиком той же функциональности, но с другим декором, известны в Карпатском бассейне в Балатонсемеш, Будапешт-Фаркашрет, Карош — некрополь II, погр. 52, Земплин и из неизвестного местонахождения в Венгрии (Költő 1990: 85—101; Dienes 1973: Pl. 6: 19—25; Révész 1996: pl. 90: 1—3; Budinsky-Kricka, Fettich 1973: pl. 24: 1—4; Fettich 1937: pl. XXVII: 7). Очень важным является то, что все эти четыре находки датируются — как путем типологически-хронологического анализа, так и анализами ДНК — временем первого поколения отцов-основателей. Следовательно, можно утверждать, что этот тип предметов, равно как и упомянутые выше, датирующиеся I пол. X в., представляют собой миграцию отдельных лиц и/или свидетельство торговых отношений с Востоком (что весьма вероятно) в первой половине данного столетия.

Напротив, стремя из погр. 11, грушевидной формы, типа IA1 (Gáll 2008, I: 336) входит в категорию стремян X в., чей орнамент обнаруживает аналогии лишь в Карпатском бассейне. В нашем случае края ушка и, соответственно, стержни до места контакта с основанием, были украшены серебряной планкировкой, а на середине стержней были прочерчены 19 грушевидных фигур, в которые были включены грушевидные же медные орнаментальные пластинки. Об этом свидетельствует анализ макроскопических фотографий изделий (рис. 6), на которых заметно, что ни одна грушевидная орнаментальная фигура не идентична остальным с точки зрения размеров и даже формы. Таким образом, пред-

²⁴ Отметим, что в могильнике Карош, в котором погребения содержат куда более богатый инвентарь, лишь один предмет не имеет аналогий в Карпатском бассейне!

²⁵ Погр. 2 (Димитров 1995: рис. 10. 2).

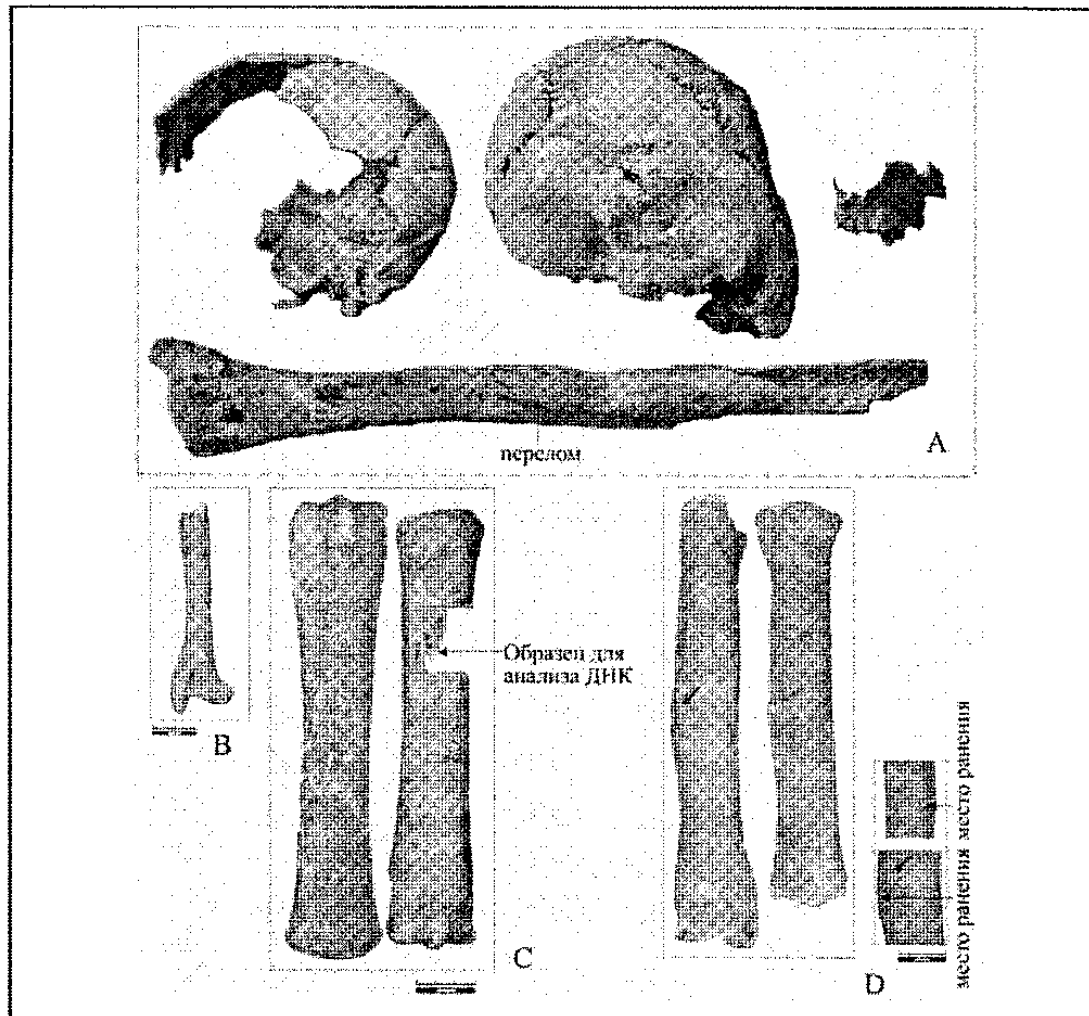

Рис. 5. А — фрагменты человеческого скелета: череп, большая берцовая кость; В — кость овцы; С, D — кости коня.

Fig. 5. A — fragments of the human skeleton: skull, shinbone; B — sheep bone; C, D — horse bones.

мет иллюстрирует впечатляющие технические и художественные способности мастера, а аналогии, обнаруженные лишь в Карпатском бассейне (в особенности в Верхнем Потисье), говорят в пользу того, что это изделие может считаться «внутренним» продуктом. Как с точки зрения формы, так и техники выполнения орнамента, стремяна из Берегово, погр. 2, и стремя из погребения «вождя» в Ракамаз являются почти идентичными предмету из Клуж — ул. Заполья. В погр. 2 в Берегово были также обнаружены пояс, украшенный накладками, сабля и удила²⁶, а в погребении

²⁶ Погребение из Берегово соотносится, на основе аналогий накладкам из Каранчлапойтё и Кишкунфельдхаза, с первым «поколением» отцов-основателей. Мештерхази не приводит аналогии накладке из Шеред, некр. I, погр. 2 (Mesterházy 1989—90: 241; Točík 1968: pl. LVIII: 5; László 1943: pl. XXIV).

«А» из Ракамаз, которое представляет собой лучший пример богатства семей членов военной верхушки X в., были также найдены: богато украшенный накладками пояс, бляшки для одежды из позолоченного серебра, накладки на конское снаряжение из позолоченного серебра, пластинка для украшения сумки из богато орнаментированного пальметтами позолоченного серебра, погребальная маска из золота, сабля с золотой гарнитурой.

Другое похожее на стремя с ул. Заполья изделие было обнаружено в погр. 1 из Шарретудвари-Порошхалом (Венгрия)²⁷, украшено бронзовой инкрустацией, но боко-

²⁷ Речь идет об украшенных прочерченным орнаментом костяных накладках на лук, поясных накладках с восточными аналогиями, накладках на конское снаряжение: К. К. 1996: 277—281.

№5. 2011

вые стержни были орнаментированы лишь грушевидными фигурами, и отсутствуют серебряные пластинки, которые есть в Клуже, Ракамазе и Берегово. Недалеко от комплекса в Шарретудвари, в погр. 54 из Пюшпёкладань-Эперьешвёльд (Венгрия), на стержнях также присутствовали грушевидные мотивы, однако лишь на одной из сторон (К. К. 1996: 248: fig. 5). Реминисценцией подобного типа декора может рассматриваться *трапециевидное* стремя, без бутоновидного навершия между основанием и стержнями, из погр. 41 в Шарретудвари-Хизофёльд (К. К. 1996: 259: fig. 6).

Другим близким по декору и форме стременем, на котором, однако, грушевидные мотивы расположены диагонально на стержнях изделия, является случайно обнаруженный предмет из Балкань (Венгрия) (КК 1996: 130: fig. 1). Таким образом, можно различить четыре группы, все обнаруженные за Тисой, из которых лишь одна происходит из Карпатского бассейна.

Если изготовление этих предметов мастером или мастерской является весьма очевидным, то их хронологическое определение более проблематично. Помимо находок групп II и III (Шарретудвари и Пюшпёкладань), остальные изделия происходят из изолированных комплексов или из погребений на частично исследованных могильниках. Первый вариант декора, как и тот из Клужа, известен также в Берегово и Ракамаз. В Берегово другие предметы из состава инвентаря указывают на торговые связи, возможно, не прямые, со скандинавской зоной (Kovács 2003: 205—241). Таким образом, помещение этих артефактов в I пол. X в., без аналогий в других регионах, представляется нам наиболее правильным. Они могли быть изготовлены в специализированной мастерской по обработке драгоценных металлов в Верхнем Потисье. Подобная трактовка поддерживается и другими категориями изделий из драгоценных металлов X в. данного региона.

Учитывая вышеприведенные положения, в случае погр. 11 можно говорить о *хронологической стратификации* инвентаря:

Предметы постарше, с параллелями (или без них) в восточных областях.

Новые предметы, аналогии которым известны лишь в Карпатском бассейне.

Как мы указывали ранее, часть инвентаря погр. 11 по улице Заполья может быть рассмотрена в качестве *символа венгерской миграции с востока*, об остальных же предметах можно лишь утверждать, что они принадлежат материальной культуре X в.

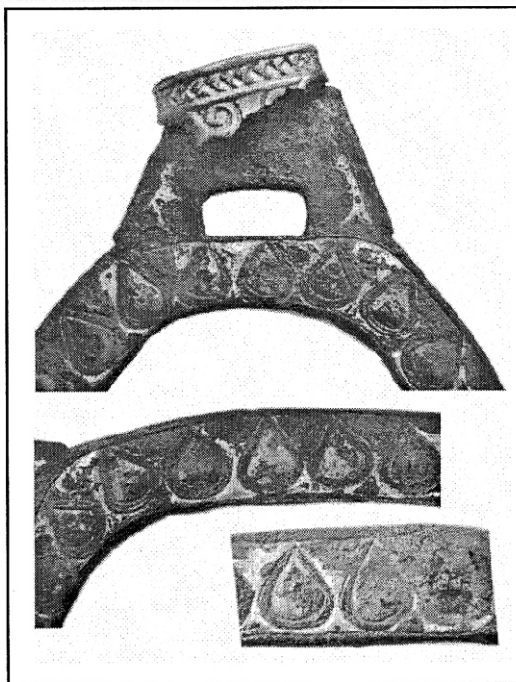

Рис. 6. Макроскопическая фотография стремени из погребения 11 могильника Клуж — Заполья.

Fig. 6. Macroscopic photo of the stirrup from the Cluj-Zápolya street grave 11.

Венгерская иммиграция и в зону Клужа, и в остальной Карпатский бассейн должна быть подвергнута как археологическому анализу, так и междисциплинарным исследованиям (C^{14} , стронций, ДНК, антропология). Можно определить, по крайней мере, две проблемы:

1. Когда появляется в зоне Клужа, соответственно в южных регионах Трансильванского бассейна, горизонт погребальных памятников, соответствующий с культурной точки зрения периоду X в.?

2. С хронологической точки зрения, где обнаруживает свои наиболее многочисленные типологические параллели материальная культура данной эпохи?

Зона Клужа тесно связана с Верхним Потисьем (орнамент стремени, накладка на сумку, накладка на пояс). В то же время, не следует оставлять без внимания аналогии киевского круга первостепенной важности (накладка на колчан лука из погр. 10). Возникает вопрос: это *взаимодействие материальной культуры могло быть всего лишь результатом торговли* с, весьма вероятно, наиболее мощным центром I пол. X в., или/и это свидетельство миграции в сторону региона Клужа? С археологической точки зрения, близкие типологические параллели между некрополями регио-

на Клужа и могильниками Верхнего Потисья более чем очевидно²⁸.

Следует коснуться еще одного аспекта некрополей из зоны Клужа, а именно — высокой концентрации находок сабель в районе этого города. Из общего количества в 40 захоронений, сабли присутствуют в 10, то есть в 25% комплексов. Эта концентрация намного превышает, с точки зрения соотношения «предмет/погребение», количество сабель в хорошо известных могильниках Верхнего Потисья. Карош: из трех некрополей с 74, 73 и 19 захоронениями известно лишь 11 сабель (Révész L. 1996: 13—38, 180), Кенезлэ: в двух некрополях с общим количеством в 50 захоронений было обнаружено всего 5 сабель (Jósa 1914: 303—340, fig. XXVIII, XLI, XLX; Fettich 1931: 84, fig. 56), Тисабездед: в 17 погребениях присутствовали только 3 сабли (Jósa 1896: 385—412; Prohászka, Révész 2004: 137—168, pl. 4, 8, 10). Чем может быть вызвана подобная концентрация? Следует упомянуть, что в других некрополях X в. сабли появляются в еще меньшем количестве — обычно по одной сабле на могильник.

Эта концентрация, которая превышает количество сабель в указанных выше некрополях, может быть интерпретирована как выражение присутствия *небольших военных групп* не только в Верхнем Потисье, но и в Трансильванском бассейне. Учитывая и другие данные, можно предположить, что эти общности, которые археологически характеризуются внушительной концентрацией оружия (и не только сабель), осели здесь для осуществления *военного и экономического контроля над дорогой*, следующей на юг и на север в X в. Топографические наблюдения, согласно которым эти группы погребений находились вблизи маршрута *римской дороги*, которая могла быть использована и в X в., делают наше замечание правдоподобным. Будущие исследования смогут внести куда большую ясность в вопрос о расположении этих могильников и масштабе заселенных зон вокруг современного города.

Если окинуть взглядом реалии европейского X века, то этот социо-военный аспект не должен нас удивлять. В мире викингов нам известны небольшие военные группы, называемые *хирд* (Reuter 1997: 32—37; Hedenstierna-Johnson 2006: 26), а в викинг-славянском мире — *дружиной* (Melnikova 1996; Hedenstierna-Johnson 2006: 26). Естественно, все

эти ситуации не являются полностью сходными, но во многом они отражают социальные, военные аспекты раннесредневековой эпохи, существование полностью милитаризованного общества, с героико-военными идеалами и ценностями.

В этой части работы мы бы хотели указать на одну проблему, которую обычно обходят вниманием. В венгерской историографии (а вслед за ней, и в археологической литературе стран Восточной и Центральной Европы) по-прежнему считается, что погребения X в. являются *очень богатыми*, очевидно, подразумеваемая количество ценных металлов. Часто богатство связывалось с количеством оружия, наличием лука, колчана или наконечников стрел в захоронении, определяя интерпретацию комплекса в качестве *«богатого захоронения»* или погребения *«лица с высоким статусом»*. В случае данных могильников, однако, вес металлических предметов недвусмысленно указывает на то, что о богатстве здесь сложно утверждать, как отметил и Иштван Ковач (Kovács 1942: 116). Так, мы взвесили предметы из драгоценных металлов, обнаруженные в ряде памятников. Здесь мы систематизируем данные по некрополю на улице Заполья (табл. 2).

Ласло Ревес приводит данные из других некрополей (Révész 2005: 189):

1. Тисавашвари-Аранькерти — **138,8 г серебра** из 19 погребений

2. Тисабездед — **116,69 г серебра** из 18 погребений.

3. Некрополь II в Кенезлэ — **559,89 г серебра** из 26 погребений.

Можно заметить следующую тенденцию: частично исследованный некрополь по улице Заполья очень хорошо соответствует ареалу вышеупомянутых могильников, говоря о которых, мы не можем отметить наличие очень богатых захоронений, как, например, в V в., а, скорее, присутствие хорошо вооруженной военной прослойки, проявляющей себя подобным образом после смерти. Следует все же упомянуть, что погр. 1, 8, 9 и 11 (т.е. самые богатые с точки зрения инвентаря) были разрушены, и нельзя исключать первоначальное присутствие намного более ценного содержимого. Однако, учитывая находящиеся в нашем распоряжении данные, некрополь по улице Плугарилор мог обладать теми же характеристиками, т.е. высоким процентом оружия в погребениях при незначительном количестве ценных металлов (напомним, что в погр. 25 было обнаружено золотое височное кольцо). Для иллюстрации различия приведем следующие примеры: в, скорее всего, *одиноч-*

²⁸ По поводу всех этих типологических отношений см.: Gáll 2008: 168—200; Gergely, Gáll 2007: 113, nota 57.

Таблица 2.

Погребение	Au	Ag	Br
погр.1		36,9	16,7
погр.2.			
погр. 3.		0,2	
погр.4.		2	
погр.5.		14,1	
погр.6.		3,8	
погр.7.		0,4	3,1
погр.8.			13,2
погр.9.			
погр.10.			15,7
погр.11.	0,1	61,2	40,4
Всего	0,1 гр	118,6 гр	92,2 гр

ном²⁹ захоронении в Сынпетру Джерман вес серебра на конском снаряжении составляет 181,4 г, а вес бронзовых изделий — всего 8,7 г, в то время как из Теремии Маре происходят 95,3 г позолоченного серебра и 96,8 г серебра, и соответственно также 8,7 г бронзы.

II. Антропологический анализ (рис. 5: А)

II.1. Материал и методология

Сохранность остеологического материала неважная; мы использовали морфологическо-таксономические методы (возраст, пол, рост, демография, патологические случаи и др.) в анализе человеческого скелета. В обработке материала мы придерживались различных методов: анализ швов, относящихся к внутренней и внешней части черепа, анализ зубов, черепной индекс, угол нижней челюсти и фазы окостенения трубчатых костей (Martin, Saller 1957; Nemeskéri, Harsányi, Gy. Acsádi: 1960: 103—115; Sjøvold 1990: 431—447).

Морфологические и метрические данные были собраны по методу Мартина. В определении возраста мы использовали метод Немешкери (Nemeskéri, Harsányi, Gy. Acsádi 1960: 103—115); в то же время, мы руководствовались методом анализа зубов Э. Майлса (Miles 1963: 191—209). Для определения возраста, используя методы Кинга Эри (Égy et al. 1963: 41—90), мы исследовали ряд признаков на черепе и внечерепной скелет. В анализе посткраниального скелета мы использовали морфологическо-таксономические методы Р. Мартина и К. Саллера (1957) (Martin, Saller 1957). Обмеры черепа были

осуществлены в соответствии с классификацией В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца, по методам Р. Мартина (Алексеев, Дебец 1964). Для определения роста покойника мы применили метод Т. Шёволд и Ф. Рёсинг, согласно категориям Мартина (Sjøvold 1990: 431—447; Rösing 1988: 586—600), а для патологического анализа человеческого скелета мы использовали работу С. Мэйес (Mayes 2002).

II.2.А. Морфологическое описание остеологического материала

Человеческий скелет сохранился плохо, $\frac{3}{4}$ костей разложились. Остальные кости фрагментированы и плохой сохранности, по причине ненадлежащего хранения. Несмотря на эти условия, нам удалось выявить ряд ценных данных о покойнике.

II.2.Б. Череп

Череп фрагментирован, несколько частей теменной кости деформировались *post mortem* по причине воздействия влаги и поэтому не смогли быть использованы для подсчета черепных индексов. После склейки черепной коробки нам удалось измерить максимальную длину (1 по Мартину) черепа (197 мм). Следовательно, это длинный (долихокранный) череп. Надпереносье массивное, затылочный бугор сильно развит, сосцевидный отросток широк и массивен, швы относительно закрыты, на пересечении теменных костей появились признаки Worm (эпигенетического характера). На клиновидной кости (правая часть) присутствуют следы бронзы. Лицевая часть практически полностью отсутствует, частично сохранилась верхняя челюсть (на левой стороне присутствуют следы бронзы), фрагмент скулы и фрагменты нижней челюсти. Состояние зубов: в зубных лунках осталось шесть зубов (PM1, PM2 и M2 второй четверти, M1 и M2 третьей четверти — следы кариеса на дорсальных сторонах моляров). *Post mortem* выпали I1 и I2 (1), PM1, PM2 (1), M3 (1), I2, C, PM2 (3) и I1, PM1, PM2 (4).

II.2.В. Кости посткраниального скелета

Сохранились длинные трубчатые кости и несколько фрагментов ног: диафизы плечевых костей, диафизы лучевых костей, диафизы бедренных костей (из-за высокой степени разрушения костей невозможно выявить какие-либо патологические признаки или следы мускулатуры), левая большеберцовая кость (частично сохранился нижний эпифиз), на диафизе правой большеберцовой кости заметен вылеченный

²⁹ Понятие изолированного погребения, упорно используемое в румынской археологии, должно быть пересмотрено и, скорее всего, устранено.

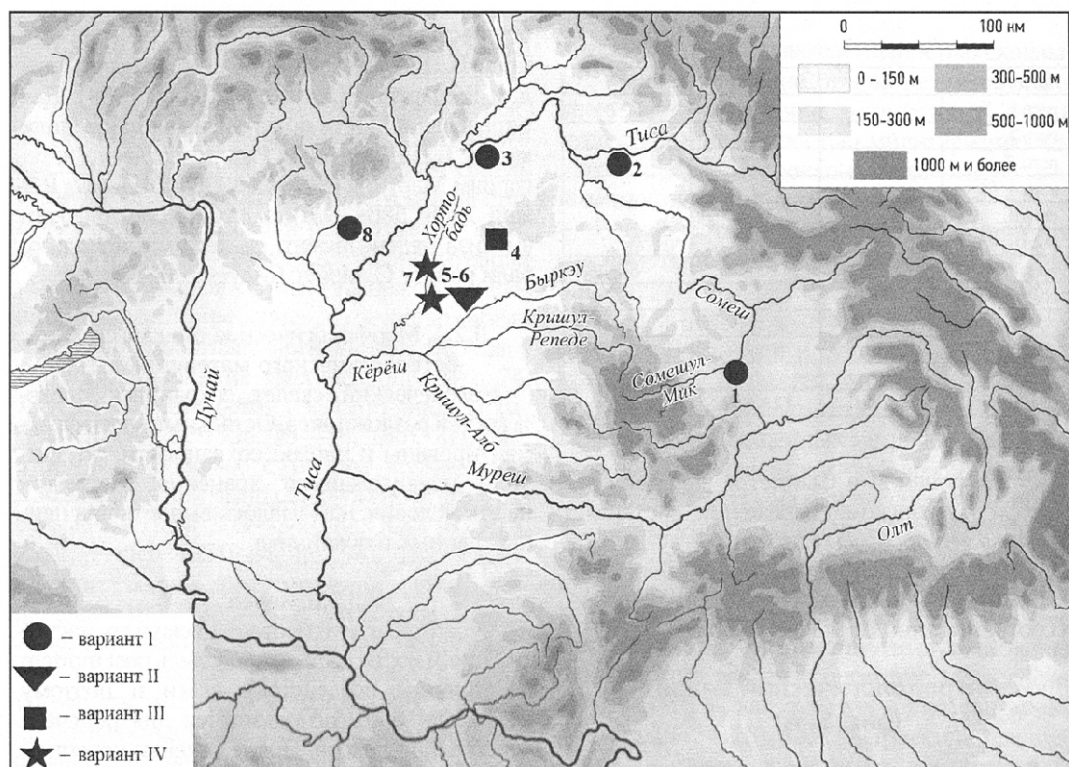

Рис. 7. Распространение стремян, орнаментированных серебряными накладками, в Карпатском бассейне. 1: Коложвар — Заполья 11; 2: Шир; 3: Бергсас; 4: Балкань; 5: Шарретудвари-Порошалом; 6: Шарретудвари-Хизофёльд; 7: Пюшпёкладани-Эгерьешвёльд; 8: Тарнаёрш — Сентандраши хатар.

Fig. 7. The stirrups ornamented with silver plaque in the Carpathian Basin. 1: Kolozsvár — Zápolya 11; 2: Csir; 3: Beregszász; 4: Balkanj; 5: Sárretudvari-Poroshalom; 6: Sárretudvari-Hizsófold; 7: Püspökladány-Eperjesvölgy; 8: Tarnajörš — Szentandrási hatar.

перелом (рана была инфицирована и кость срослась неправильно), фрагмент диафиза малоберцовой кости, из костей ног сохранились левая и правая пяточные кости, правая таранная кость, 4 кости плюсны и большие фаланги обеих ног.

II.3. Определение пола

Характеристики черепа (надпереносье, затылочный бугор, сосцевидный отросток, челюсть), статические черты пяточной кости указывают на особь мужского пола (+1, по Эри).

Определение возраста: Швы на внутренней и внешней сторонах черепа, состояние зубов указывают на взрослого человека 35—40 лет.

II.4. Следы патологий

Вылеченный перелом на правой большеберцовой кости. Возможно, перелом произошел по причине падения (часто встречаемый перелом).

II.5. Выводы

Характеристики черепа (в сравнении с погр. 44 могильника Кинчесхедь из Хунедоары) указывают на долихокранный череп с черепными индексами, характерными для нордического и рязанского типа, длинные трубчатые кости грацильны, рост средний, в обоих случаях присутствуют эпигенетические признаки на черепе (кости Ворма).

III. Палеозоологический анализ останков коня и бедренной кости овцы (рис. 5: B—D.)

III.1. Останки коня

Согласно плану раскопок (рис. 1), это воинское погребение содержало останки свежежеванного коня (целый череп + нижняя челюсть и кости стопы). Исследование этих останков показывает высокую степень разрушения, произошедшую после извлечения костей из могилы:

№5. 2011

— череп и нижняя челюсть коня сильно фрагментированы (120 + фрагментов в целом и зубная система, полностью изолированная);

— кости стопы также разрушены, но не настолько фрагментированы, по сравнению с состоянием их обнаружения, некоторые элементы отсутствуют (mc II—IV dext, mc III sin, phI sin ant; 5 тарзальных + mt II—III dext, ph I post dext, phII post dext; ph III post dext, mt II—IV sin, ph I post sin).

Таким образом, конь (*Equus caballus*), освежеванный, был положен в погребение рядом с воином, по левую его сторону, в природном состоянии, лежа на правой стороне, с подогнутыми под туловище ногами. Сохранившийся остеологический материал состоит из черепа и нижней челюсти (в настоящее время сильно фрагментированных), из костей ступней. Основываясь на зубах и морфометрических элементах, можно определить, что эти останки происходят от *взрослого самца среднего роста (7—8 лет)*. Следует отметить два следа ранений на *плюсневой кости*, соответственно на задних плюсневых костях на уровне диафизов плюсневых костей III, несколько более очевидно — на левой кости. Несмотря на то, что речь не идет о переломах, можно определить присутствие открытых инфицированных ран, в последствии вылеченных, которые привели к развитию деформированных экзостозов на начальной стадии. Этот тип ранения мог произойти вследствие несчастного случая в ходе прыжка через горизонтальное препятствие, в котором левая нога была повреждена первой, соответственно более сильным образом.

Метрические параметры: L = 257 мм, lprox = 48 мм, gprox = 42 мм, ldist = 45 мм (l. max diaph dext = 36,3 мм, l. max diaph sin = 40 мм)

Ph I post: L = 85 мм

Mc: L = 221 мм, lp = 45, 4 мм, gp = 29 мм, gd = 29 мм

Ph I ant: L = 74 мм. Другие замеры невозможно было осуществить из-за плохой сохранности элементов скелета.

III. 2. Анализ кости овцы

Кость (неполная правая бедренная кость) сохранилась относительно хорошо и принадлежит овце (*Ovis aries*).

Ovis aries — правая бедренная кость с отсутствующим дистальным эпифизом, принадлежащая молодой, почти взрослой особи (проксимальный метафиз окостенел практически полностью). Характер и тип перелома на уровне диафиза указывает на постпозици-

онный перелом. Степень повреждения соответствует остальному остеологическому материалу. Характерными для этого вида являются морфология головки бедренной кости, большого вертела и прямой угол между ними.

Согласно плану раскопок, нога овцы была положена возле правой большой бедренной кости воина в соответствующей анатомической позиции, проксимальным концом вверх (длина фрагмента = 142 мм, проксимальная ширина = 45 мм, минимальная диафизарная величина = 17,3 мм, от животного средних размеров, хотя пол не удалось установить).

Палеозоологические анализы остеологических останков из некрополей X—XI вв. в Банате, Трансильванском бассейне и Парциуме далеки от уровня археологической изученности проблемы для этого региона, которая, в свою очередь, так же далека от состояния исследований древностей X—XI вв. в Европе (в особенности в Центральной Европе) (Gáll 2008, I: 7—31). Первый подобный анализ был проведен археологом из Баната Дьюлой Надь Кишлеги, который еще в начале XX в. осознал важность данных междисциплинарных исследований и отослал кости коня из одиночного погребения Пушта Букова, курган III, в Институт Антропологии в Будапеште, где их исследовал Йожеф Бешшко в 1906 году (Gáll, Tănase 2009; Bessko 1906: 31—35).

С тех пор, к сожалению, другие подобные анализы не проводились. Несмотря на то, что сегодня известно 158 погребальных памятников в Трансильванском бассейне, Банате и Парциуме (Gáll 2008, I: 7—31; II: 1—279; III: harta 2, 67) и в 47 захоронениях присутствовали конские останки, всего для одного памятника, Алба Юлия — Собор, были проанализированы остеологические останки животных (Chiu 2008: 228—229).

Таким образом, после 170 лет исследований на территории Трансильванского бассейна, Парциума и Баната, всего два из 47 погребений с останками коней были исследованы с точки зрения палеозоологии.

Несколько больше данных имеется в нашем распоряжении относительно костей животных, депонированных в захоронениях в качестве погребальных даров:

1. *Кости свиньи*: Клуж — улица Заполья — погр. 3 (Kovács 1942: 92).

2. *Кости птицы*: Клуж — улица Заполья — погр. 4 (Kovács 1942: 92—97).

3. *Кость овцы*: Дудештий Векь — Мовила луй Драгомир — погр. 4 (Gáll 2008, I: 112; II: 149; III: 217).

Литература

- Алексеев В. П., Дебед Г. Ф. 1964. *Краниметрия*. Москва.
- Димитров Я. 1995. Църква и некропол във външния град на Плиска (края на X—XI в.). *Плиска-Преслав* (7), 42—70.
- Йотов В. 2004. *Въоръженето и снаряженето от Българското средновековие (VII—XI век)*. Варна: Книгоиздателство Зограф, Издателство Абагар.
- Каргер М. К. 1958. *Древний Киев*. I—II. Москва; Ленинград.
- Ковач Л. 1980. *Вооружение венгров периода «обретения родины»: сабли, боевые топоры, копья*. (Рукопись кандидатской диссертации). Москва.
- Могильников В. А. 2002. Курганы с сопроводительными захоронениями чучел коней в северо-западных предгорьях Алтая. *РА* (1), 122—136.
- Орлов Р. С. 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X—XI вв. В: *Культура и искусство средневекового города*. Москва, 32—52.
- Плетнева С. А. 1981. Салтово-маяцкая культура. В: Плетнева С. А. (ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Москва, 62—75.
- Плетнева С. А. 2003. *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья*. Воронеж.
- Balassa I. 2001. László Gyula életútja. In: I. Ballasa (coord.). *László Gyula 1910—1998*, emlékkönyv. Budapest: Püski, 9—136.
- Bálint Cs. 1969. A honfoglalás kori lovastemetkezések néhány kérdése (Über die Pferdebestattungen der Landnahmezeit). *MFME* (1969/1), 107—114.
- Bálint Cs. 1991. Sächungarn im 10. Jahrhundert. *StudArch*. 11. Budapest.
- Bálint Cs. 2006. Az ethnosz a kora középkorban (A kutatás lehetőségei és korlátai) [The Ethnos in the Early Middle Ages. (Possibilities and limits of research)]. *Századok* (140/2), 277—347.
- Bessko J. 1906. *A honfoglaló magyar nemzet lovairól*. Budapest.
- Budinsky-Krička V., Fettich N. 1973. Das altungarische Fürstengrab von Zemplin. *ArchSlov (Fontes)* 2.
- Chiu F. 2008. Az M. 80 sírban feltárt archeozoológiai leletek bemutatása. In: Istrate D. M. *Agyutaféhvári római katolikus székesegyház és püspöki palota régészeti kutatása*. Budapest: Teleki László Alapítvány, 228—229.
- Dienes I. 1973. Honfoglalás kori veretes tarsoly Budapest-Farkasrétről. (Beschlagverzierte landnahmezeitliche Tasche vom Budapest-Farkasrét). *FolArch* 24, 177—217.
- Duczko W. 2000. Continuity and transformation: the tenth century ad. in Sweden. P. Urbaniczky (coord.). *The Neighbours of Poland in the 10th Century*. Warsaw: Scientia, 7—36.
- Éry K., Kralovánzski A., Nemeskéri J. 1963. Történeti népszerűségek rekonstrukciójának reprezentációja. *Antr-Közl.* (7), 41—90.
- Fettich N. 1931. Adatok a honfoglaláskor archaeológiájához. (Angaben zur Archäologie der ungarischen landnahmezeit). *ArchÉrt* 45, 48—112.
- Fettich N. 1937. A honfoglaló magyarság fémművészete — Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. *ArchHung* 21.
- Fodor I. 1975. *Verecke híres útján*. Budapest: Gondolat kiadó.
- Fodor I. 2006. A régészettudomány történetisége. A magyar őstörténet példáján (Archäologie als historische Wissenschaft). *ArchÉrt* 131, 89—114.
- Gáll E. 2001. Sistemul cronologic al descoperirilor funerare din secolul X în Bazinul Transilvan. *Apulum* 38, 1—14.
- Gáll E. 2004—2005. Analysis and comparison of burial customs in the 10—11th century in the Transylvanian basin, Crişana and Banat. *Dacia N. S.* 48—49, 334—454.
- Gáll E. 2007. Az Erdélyi-medence, Partium és Bánság X—XI. század sír- és szórvány fegyverleleteinek elemzése. *HK* 119 (2), 395—480.
- Gáll E. 2008. *A honfoglalás — és kora Árpád kori temetők és szórványleletek elemzése az Erdélyi-medencében, a Partiumban és a Bánságban. (The analysis of the 10th and 11th centuries' burial sites and stray finds in Banat, Partium and the Transylvanian Basin)* (<http://doktori.btk.elte.hu/hist/index.html>). Doktori disszertáció. I—III. kötet. Budapest.
- Gáll E., Gergely B. 2004—2007. Necropolele și descoperirile izolate de la Cluj și situația transilvană în secolul al X-lea (Necropolis and isolated discoveries from Cluj and the Transylvanian Realities of the X Century). *ActaMN* 41—44, 9—39.
- Gáll E., Tănase D. 2010. Kisléghy Nagy Gyula X—XI. századi ásatásai. *OpHung* 13.
- Gergely B., Gáll E. 2007. A kolozsvári Kalevala utcai honfoglalás kori temető. *DolgCluj* 12 (2), 105—117.
- Hedenstierna-Jonson Ch. 2006. *The Birka Warrior. The material culture of a martial society*. Doctoral Thesis in Archaeological Science at Stockholm University. Stockholm: Institutionen för arkeologi och antikens kultur.
- Herepei J. 2004. *Kolozsvár történeti földrajza*. Kolozsvár: Művelődés.
- Horváth Bónáné J. 1979. A dunaujváros-öreghegyi honfoglaláskori temető. *Alba Regia* (1975), 275—296.
- Ionitã A. 2005. *Spațiul dintre Carpații Meridionali și Dunărea Inferioară în secolele XI—XIII*. București: Editura Academiei.
- Jakab E. 1870. *Oklevéltár Kolozsvár története első kötetéhez*. Buda: Magyar Királyi Egyetemi Könyvnyomda.
- Jósa A. 1896. A bezdédi honfoglalás kori temető. *ArchÉrt* 16, 385—412.
- Kiss G. 2000. Vas megye X—XII. századi sír- és kincsleletei. *Magyarország honfoglalás kori és kora-Árpád-kori sírleletei* 2.
- Kiss L. 1933—1934. Honfoglalás kori leletek a Jósa Múzeumban. *DolgSzeg* (9—10), 215—220.
- K. K. 1996; Fodor I. (coord.) 1996. *A honfoglaló magyarság. Kiállítási katalógus*. Budapest.
- Kovács I. 1942. A kolozsvári Zápolya utcai magyar honfoglalás kori temető (Der landnahmezeitliche Friedhof von Kolozsvár — Zápolya Gasse.). *KözlCluj* (2), 85—118.
- Kovács L. 1990. Szablya-kard fegyverváltás. A kétélű kardos sírok 10—11. századi magyar sírok keltezéséhez (Säbel-Schwert waffenwechsel. Zur datierung der Ungarischen Gräber mit zweischneidigen Schwertern im 10—11. Jh.). *ArchÉrt* 117, 39—49.
- Kovács L. 2003. Beregszász-Birka: Beitrage zu den Mützen mit Blechspitze des 10. Jahrhunderts. *ActaArchHung* (541—2), 205—241.
- Költő L. 1990. Tanulmányok Balatonszemes múltjáról és jelenéről. *Balatonszemes: Balatonszemesi Községi Tanács*, 85—101.
- Langó R. 2007. *Amit elrejt a föld A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében*. Budapest: L'Harmattan.
- László Gy. 1942. A kolozsvári Zápolya-utcai honfoglaláskori temető. *ErdCluj* 47, 578—584.

№5. 2011

- László Gy. 1943. *A honfoglaló magyarság művészete Erdélyben*. Kolozsvár: Gróf Teleki Pál Tudományos Intézet, Minerva Irodalmi és Nyomdai Műintézet R.t.
- László Gy. 1945. Ősvallásunk nyomai egy számoshádi kocsistörténetben. Kolozsvár: Az Erdélyi Magyar Tudományos Intézet kiadványa, 1945.
- Lőrinczy G., Szalontai Cs. 1993. Régészeti adatok Csongrád megye 6—11 századi településtörténetéhez. *HOMÉ* 30—31 (2), 279—320.
- Fr. Lundström Fr., Holmgvist Olausson L. 2005—2006. *Det vikingatida bågskytet i Birka-ett exemple på en framstående stridskonst med främmande inslag*. Stockholm: <http://corpuscultur.us/FULLTEXT01.pdf>
- Madaras L. 2006. Honfoglalás kori temető Szolnok határában. Újabb adatok a X. századi női viselet rekonstrukciójához. *CommArchHung* (2006), 213—251.
- Martin R., Saller K. 1957. *Lehrbuch der Anthropologie*. Stuttgart: Open Library.
- Mayes S. 2002. *The Archeology of human bones*. New York: London: Routledge.
- Melnikova E.A. 1996. *The Eastern World of the Vikings. Eight essays about Scandinavian and Easterns Europe in the Early Middle Ages*. Göteborg.
- Mesterházy K. 1989—1990. Felső-Tisza-vidéki őtvösműhely és a honfoglalás kori emlékek időrendje. *EMÉ* 25—26, 235—274.
- Mesterházy K. 1997. Die Kunst der landnehmenden Ungarn und die abbasidisch-irakische Kunst. *ActaArchHung.* 49, 385—419.
- Miles E.A.W. 1963. The dentition in the assessment of individual age in skeletal material. Brothwell D.R. (ed.). *Dental Anthropology. Study of Human Biology*. New York: Pergamon Press, 191—209.
- Nemeskéri J. 1943. Néprajztörténeti ásatás Sorokpolányban. *Dsz* (1943), 316—319.
- Nemeskéri J., Harsányi L., Acsádi Gy. 1960. Methoden zur Diagnose des Lebensalter von Skelettfunden. *AnthropAnz* 24, 103—115.
- Popescu D. 1956. Cercetări arheologice în Transilvania. Săpăturile de la Vârşand. *Materiale* (2), 125—143.
- Prohászka P., Révész L. 2004. A tiszabezdédi honfoglalás kori temető Jésa András vázlatának tükrében. *JAMÉ* (46), 137—168.
- Révész L. 1996. *A karosi honfoglaláskori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza vidék X. századi történetéhez*. Miskolc: A Hermann Ottó Múzeum és a Magyar Nemzeti Múzeum kiadványa.
- Révész L. 2008. *Heves megye 10—11. századi temetői*. Budapest: Martin Opitz.
- Reuter T. 1997. The recruitment of armies in the Early Middle Ages: what can we know? A. Nørgård Jørgensen-B.L. Clausen (Ed.), *Military aspects of Scandinavian society in a European perspective, AD 1—1300*. Copenhagen: National Museum, 32—37.
- Roska M. 1927. Emlékek a magyarság erdélyi honfoglalásához. In: György L. (ed.), *Márki Emlékkönyv*. Cluj: Erdélyi Irodalmi Szemle, 132—138.
- Rösing F.W. 1988. *Körperhöhenrekonstruktion aus Skelettmassen. Anthropologie. Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen*. München: Spektrum Akademischer Verlag, 586—600.
- Schulze-Dörlamm M. 1988. Untersuchungen zur Herkunft der Ungarn und zum Beginn ihrer Landnahme. *JRGZ* (35), 373—478.
- Cs. Sebestyén K. 1932. "A sagittis Hungarorum". A magyarok íja és nyila. *DolgSzeg* (8), 167—255.
- Selmezy L. 1979—1980. Avarkori és X—XII. századi magyar köznépi sírok Rákoczfalván. *SzMMÉ*, 141—172.
- Sjøvold T. 1990. Estimation of stature from long bones utilizing the line of organic correlation. *IJE* (5), 431—447.
- Spinei V. 1985. *Realităţi etnice şi politice în Moldova meridională în secolele X—XIII. Români şi turanici*. Iaşi: Editura Junimea.
- Szöke B. 1941. Honfoglalás kori magyar sírok Naszvadon. *PolArch* (3—4), 214—224.
- Takács M. 1997. A 10. századi magyar-szláv viszonyról és a honfoglaló magyarok életmódjáról (Néhány megjegyzés Kristó Gyula: A magyar állam megszületése című könyvéről). *Századok* 131 (1), 168—214.
- Točik A. 1968. Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei. *ArchSlovCatalogi* 3.
- Végh K. 1970. Honfoglalás és korai Árpád-kori sírletelek a miskolci múzeumban. *HOMÉ* (9), 79—92.

Статья поступила в номер 23 декабря 2010 г.

Erwin Gáll (Bucarest, Romania). Doctor of history. Institute of Archaeology "Vasile Pârvan".

Erwin Gáll (Bucureşti, România). Doctor în istorie. Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”.

Галл Эрвин (Бухарест, Румыния). Доктор истории. Институт археологии «Василе Пырван».

E-mail: ardarichus19@yahoo.com

Szilárd Gáll (Târgu Mureş, Romania). The Museum of History and Archaeology, Târgu Mureş.

Szilárd Gáll (Târgu Mureş, România). Muzeul de istorie şi arheologie din Târgu Mureş.

Галл Силард (Тыргу Муреш, Румыния). Музей истории и археологии в Тыргу-Муреш.

E-mail: szilank2001@yahoo.com

Matei Vremir (Cluj-Napoca, Romania).

Matei Vremir (Cluj-Napoca, România).

Времир Матей (Клуж-Напока, Румыния).

E-mail: vremenmatyi@yahoo.co.uk

Balázs Gergely (Cluj-Napoca, Romania). National Museum of Transylvanian History.

Balázs Gergely (Cluj-Napoca, România). Muzeul Național de istorie a Transilvaniei.

Гергей Балаж (Клуж-Напока, Румыния). Национальный музей истории Трансильвании.

E-mail: gergelybalazs@gmail.com